

опозиции “свой-чужой” является одним из фундаментальных факторов этнической идентификации.

Ключевые слова: молитва, этнический символ, фольклор, традиция, свой, чужой.

Gryshenko I.V., Kyiv

PRAYER IN THE SYSTEM OF ETHNIC CODE

This article observes the role of prayer in the system of ethnic code as identifier between ethnic “own” and “alien” agent. The prayer plays a great role in the process of ethnic consolidation on the globalization condition. The ethno-confession aspect of opposition “own- alien” is one of fundamental factors of ethnic identification.

Key words: prayer, ethnic symbol, folklore, tradition, own, alien.

УДК 811.161.1:81`373

Таньш С.

Стамбул, Турция

ТУРЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕМАТИКИ КАК ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ РУССКО-ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

В статье продемонстрирован фрагмент исследования места и роли турецких заимствований в системе современного русского языка на примере лексики тематической группы «Промышленность». Показана роль экстралингвистических факторов в процессе языкового взаимодействия.

Ключевые слова: языковой контакт, турцизм, генетический источник, исторический источник, язык-посредник, прототип, экстралингвистический фактор.

На современном этапе развития межкультурной коммуникации иноязычная лексика считается неотъемлемой составляющей языковой действительности. Являясь рефлексией системы языка на различные внеязыковые процессы в обществе, заимствования отражают динамику и характер таких процессов. Особый интерес в этом отношении представляет для исследователей взаимодействие языков различной генетической природы, что, в частности, иллюстрирует русско-тюркский языковой контакт. Изучению места и роли тюркизмов в русском языке в разные периоды его развития уделялось значительное внимание. Учёных-тюркологов интересовали вопросы этимологии тюркизмов (Кононов А.Н. [7]), тюркская диалектология, ономастика (Баскаков Н.А. [2]), проблемы освоения тюркизмов в языке-реципиенте (Юналеева Р.А. [13]).

Традиционно в общем ряду ориентализмов изучаются и заимствования из турецкого языка, до настоящего времени системное описание данной группы заимствований не являлось предметом отдельного исследования. Тем не менее, турцизмы представляют определённый интерес для филологов-русистов, особенно в отношении путей и обстоя-

© Таньш С. 2015

тельств их вхождения в язык-реципиент, специфики взаимодействия с исконной лексикой, а также отражения определённых процессов и тенденций в принимающем языке.

Необходимостью теоретического осмысления и обоснования языкового статуса турцизмов в современном русском языке обусловлена актуальность настоящей статьи. На примере отдельно взятой тематической группы («Промышленность») предполагается продемонстрировать фрагмент исследования, направленного на конкретизацию места и роли турецкого языка в процессе заимствования. Материалом для анализа послужили лексемы турецкого происхождения, извлечённые из современных словарей иноязычных слов А. Н. Булыко [5] и Л. П. Крысина [8]. С целью уточнения статуса отдельных анализируемых языковых единиц используются также данные некоторых других современных словарей русского языка [3; 4; 11; 12].

Немногочисленная тематическая группа «Промышленность», включающая 7 слов и значений, представлена терминологией горнодобывающей (*мазут, кирка*), химической (*хна2*) и текстильной (*алача (аладжа), бязь, килим, кисея*) промышленности.

Турецкое происхождение лексемы *мазут* («*Маслянистые остатки, получаемые после отгонки из нефти керосина, бензина и газолина*» [5: 333]) можно подтвердить исключительно на основании собственно языковых факторов, а именно формального и смыслового сходства с предполагаемым прототипом *mazot* («*Один из дистиллятов сырой нефти, используемый в качестве топлива, горячее для моторных лодок*» [14: 1520]). Турецкая форма восходит к арабскому *makhzulat* (отходы) [12 (2: 558)]. В большинстве словарей указание на турецкое посредничество при заимствовании отсутствует: авторы ограничиваются либо указанием на общетюркскую природу слова, либо называют арабский язык как генетический и исторический источник [3; 11; 12].

Лексема *кирка* известна в русском языке в значении «*Заостренный с одного или с двух концов или оканчивающийся острой лопастью металлический стержень на рукоятке, род молотка, употребляемый при земляных и горных работах*» [5: 268]. Слово было в употреблении уже с первой половины XVII в. и функционировало первоначально в форме *керка* [11: 397]. Предположительно, номинация была заимствована через военную сферу, так как ранние упоминания реалии встречаются в текстах военной тематики, например, в «Истории об Азовском взятии», позже в документах 1812 г.: «*Если находятя еще в пеших, конных и артиллерийских командах кирки и лопатки, то доставить немедленно в Главное дежурство*» [М. И. Кутузов. Документы (1812)] (Сохранена орфография первоисточника – С.Т.) [9]. Прототипом данного заимствования считается турецкая многозначная лексема *kürek*, первое значение которой «*лопата*» и послужило единицей языкового контакта.

Древнее происхождение имеет лексема *хна* («*1. Южное кустарниковое растение, дающее жёлто-красную краску. 2. Краска, получаемая из листьев этого растения*» [5: 642]). Ввиду того, что растение, его целебные свойства, а также применение в качестве красителя были известны ещё до нашей эры (остатки хны обнаружены археологами на волосах и ногтях египетских мумий) [10], не имеет смысла искать доказательства турецкого происхождения слова в экстралингвистической плоскости. Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, генетическим источником номинации *хна* считается арабский язык: к арабскому *hinnâ* восходит турецкое *kına*, послужившее единицей контакта при заимствовании в русский язык [12 (4: 251)]. Относительное формальное сходство

коррелятов в двух языках, а также сходство семантики названных единиц являются собственно языковыми аргументами в пользу турецкой этимологии слова.

В силу своей узкой специализации номинация **алача** («*Старинная полосатая шёлковая или полушёлковая ткань*» [5: 27]) фиксируется только отдельными словарями [3; 5]. Также встречается редкие случаи употребления данного слова, чаще в форме *аладжа*, в литературе второй половины XIX в: «<...сидел татарин в полинялом, засаленном архалуке из аладжи <...>; Алача или аладжа – шелковая или полушелковая полосатая ткань персидского изделия» [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга вторая (1875–1881)]; «На молдаванке сверх утреннего платья из полосатой шелковой аладжи накинута была <...> кофточка ...» [М. Н. Загоскин. Русские в начале восемнадцатого столетия (1848)]. (Сохранена орфография первоисточников – С.Т.) [8]. Предполагаемым прототипом номинации **алача** считается многозначная турецкая лексема **alaca** [3; 5]. В языке-источнике данное слово обладает широким спектром значений: «разноцветный/разноцветность, пёстрый/пестрота», «пятнистый, пегий», «непостоянство, переменчивость, изменчивость», «мерцающий свет», «пятно, крапинка» [4: 42]. В толковом словаре турецкого языка находим дефиницию, вероятно, послужившую единицей языкового контакта при заимствовании: «3. Ткань, созданная из нитей нескольких цветов» [14: 70]. Наиболее вероятный путь заимствования – торговые отношения между участниками языкового контакта. Не исключаем также и возможность заимствования номинации **алача** из другого языкового ареала (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан), где данная реальия имеет широкое распространение и используется для изготовления традиционных национальных костюмов [6: 54].

Лексема **бязь** («*Хлопчатобумажная плотная ткань*» [5: 109]) известна в русском языке с XVI в [11: 130]. Генетически арабское слово (араб. *bāzz*) заимствовано при турецком посредничестве, от предполагаемого прототипа **bez** с значением. Ввиду давности заимствования, некоторые авторы допускают и другие тюркские языки в качестве исторических источников: Л.П. Крысин и М. Фасмер, например, указывают на азербайджанскую форму *bāz* как на возможный прототип [8: 135; 12 (1: 261)], Л.П. Черных считает, что слово попало в русский язык из персидского [11: 130]. Обратившись к фактам экстралингвистического плана, находим интересные документальные свидетельства, не только говорящие в пользу турецкого языка как исторического источника заимствования, но и позволяющие выдвинуть версию об украинском посредничестве в указанном процессе. Русский писатель-публицист И.С. Аксаков в своём исследовании, датированном 1858 г., говоря о начале изготовления бязи в России, упоминает об этимологии слова: «Весьма замечательная по сбыту своему бумажная материя, известная у торговцев под именем американского или одесского бумажного полотна, или бязи. Американским называется оно потому, что первые стали его делать американцы, одесским – потому, что прежде всего оно появилось в Одессе, а «бязь» или «бязь» – испорченное слово турецкое или татарское, заимствованное нашими торговцами от караймов или бессарабских покупателей. Переимчивые кинешемцы, встретив эту материю в своём украинском ярмарочном кочевании, завели тканьё бязи у себя на фабриках, и вскоре затем русская бязь появилась в продаже на Украинских ярмарках у трёх кинешемских фабрикантов – у Разорёновых и двух Коноваловых» [1: 169].

Генетически турецкая лексема **килим** («*Шерстяной безворсовый двусторонний ковер ручной работы*» [5: 323]) восходит к турецкому этимуноу **kilim** с тем же

значением [14: 550]. Однако не исключено, что в турецкий язык данная лексема попала из персидского языка, где словом *гилим* также называется грубо сотканный ковёр. Экстралингвистические факторы свидетельствуют о том, что килимы берут своё начало в Древней Персии, где около 2500 лет назад был соткан первый восточный ковёр. В пользу украинского посредничества при заимствовании говорит такой собственно лингвистический фактор, как семантика данного слова: в украинском языке словом *килим* называется любой ковёр, то есть слово имеет больший семантический объём. К тому же, в России слово *килим* часто служит названием именно украинским гладким двусторонним коврам с народным орнаментом. Это название укоренилось даже в профессиональных кругах [6: 79]. Примеры из литературы подтверждают наше предположение об украинском посредничестве. Данная номинация встречается, например, в повести Т.Г. Шевченко «Княгиня»: <...*Между тем старушка вошла в хату и чистой белой скатертью поверх килима накрыла стол...*> [Т. Г. Шевченко. Княгиня (1853)] [9]; в романе П.А. Кулиша «Черная рада»: *Эту роскошь вы встрѣтите и теперь еще въ старосвѣтскихъ козацкихъ хатахъ, хотя вновь уже никто изъ козаковъ не дѣлаетъ лавокъ и ослоньев со спинками, никто не покупаетъ килимовъ для нихъ.* [П.А. Кулиш. Черная рада (1846–1857)] (Сохранена орфография первоисточника – С.Т.) [9].

Лексема *кисея* известна в русском языке в значении «*Тонкая, полупрозрачная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения*» [5: 268] с начала XVII в. Родиной обозначаемой словом реалии считается Индия, где такой вид ткани, согласно В.И. Далю, изначально изготавливали из крапивы [12 (2: 239)]. Название же происходит от турецкой формы *kesi* («*раскроенная ткань*»), на что указывает большинство исследователей [3; 5; 8; 12]. Кисея пользовалась широкой популярностью на Востоке, особенно в качестве драпировок и занавесей, поскольку в душном и жарком южном климате она затеняет помещение, позволяя при этом свободно проникать свежему воздуху. В России указанная ткань получила распространение в XVIII–XIX вв., когда ее стали использовать для пошива дамского платья [6: 64]. В литературе того времени встречаем многочисленные употребления данной номинации: «*Некто путешествующий приехал в город, где женщины носили платье из самой тонкой кисеи, так что кто имел острые глаза, тот, конечно, мог увидеть то, что видеть и не должен*» [Д. И. Фонвизин. Перемена платья (1788)]; «*Что за талия! Что за дурацкая кисея! А та-то в белой турецкой шали!*» [П.Л. Яковлев. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту (1828)] [9]. Примерно в это же время, вероятно, в результате метонимического переноса по смежности, возникает выражение «*кисейная девушка (барышня)*», применяемое для характеристики жеманных девушек (женщин) с ограниченным кругозором [3: 429]. Характерный признак обозначаемой словом *кисея* реалии (прозрачность) послужил основанием для употребления данной номинации в переносном значении, подтверждение чему находим в художественной литературе разного времени: «*Жалко, и грустно, и противно было глядеть сквозь мутную кисею дождя на этот жалкий скарб...*» [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)]; «*И сейчас эту тетрадь я вижу, как сквозь кисею, и горячие слезы текут по моим щекам*» [В. Каверин. Два капитана (1938–1944)] «*Они виделись еще с дороги как бы сквозь кисею, реальные, но не настолько, чтобы ощутить их реальность*» [А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)]; «*Кисея обычных московских испарений сегодня такая тонкая, что сквозь нее даже проглядывает луна*» [О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008)] [9].

Предложенный в настоящей статье фрагмент исследования демонстрирует подход к системному описанию заимствований из турецкого языка с целью выявления специфики русско-турецкого языкового контакта. Зачастую только привлечение к анализу экстралингвистических факторов позволяет объяснить характерные особенности определённого языкового явления. Перспективой дальнейшего изучения лексики турецкого происхождения является характеристика процесса и результатов освоения турцизмов на разных уровнях языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И. Исследование о торговле на Украинских ярмарках – СПб, 1858.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – Изд. 3-е. – М. : URSS. ЛКИ, 2008. – 243 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред.: С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
4. Большой турецко-русский словарь : 200 000 слов и словосочетаний / Н. А. Баскаков [и др.] ; Институт востоковедения РАН. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1998. – 966 с.
5. Булыко А.Н. Большой словарь иностранных слов : 35 тыс. слов / А. Н. Булыко. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мартин, 2007. – 703 с.
6. Історія текстилю : Навч. посіб. / Н. П. Супрун, М. В. Колосніченко, Л. В. Орленко; Київ. нац. ун-т технологій та дизайну. – К., 2006. – 116 с.
7. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дюоктябрьский период. – Л., 1982. – 360 с.
8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25000 сл. и словосоч. – 4-е изд., стереотип. / Л.П. Крысин. – М.: Рус.яз., 2002. – 856 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. –<http://www.ruscorgpora.ru/search-main.html>
10. Тайны хны [Электронный ресурс]. – <http://www.persianshop.com.ua/info>.
11. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : 13 560 слов / П. Я. Черных. – М. : Русский язык, 1999 .
12. Этимологический словарь русского языка. / Сост.: Фасмер М. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. Под ред. Б.А. Ларина.: В 4 т. – М., 1964–1973.
13. Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования) / Р.А. Юналеева. – Казань: Таглимат, 2000. – 172 с.
14. Türkçe sözlük /Türk Dil Kurumu. – Türk Tarih Kurumu Basim Evi – Ankara, 1998. – 2525 s.

Таниш С.
Стамбул, Турция

**ТУРЕЦЬКІ ЗАПОЗИЧЕННЯ ПРОМИСЛОВОЇ ТЕМАТИКИ ЯК
ВІДОБРАЖЕННЯ СПЕЦИФІКИ РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКОЇ МОВНОЇ
ВЗАЄМОДІЇ**

В статті продемонстровано фрагмент дослідження місця та ролі турецьких запозичень в системі сучасної російської мови на прикладі лексики тематичної групи «Промисловість». Показана роль екстралінгвістичних факторів у процесі мовної взаємодії.

Ключові слова: мовний контакт, турцизм, генетичне джерело, історичне джерело, мова-посередник, прототип, екстралінгвістичний фактор.

Tanish S.
Istanbul, Turkey

**TURKISH LOANWORDS OF INDUSTRIAL SPHERE AS A REFLECTION
OF THE SPECIFICS OF RUSSIAN-TURKISH LANGUAGE CONTACT**

The article presents the fragment of study of place and role of the Turkish loanwords in modern Russian language through the example of a thematic vocabulary «Industry». In the article the role of extralinguistic factors in the language contact process is illustrated.

Key words: language contact, Turkish loanword, a genetic source, a historical source, intermediate language, the prototype, extralinguistic factors.